
Евгений "Краев" Костюченко
Десять тысяч стаканов "Агдама"
18+

Евгений "Краев" Костюченко

Десять тысяч стаканов "Агдама"

«Автор»
2026

"Краев" Костюченко Е.

Десять тысяч стаканов "Агдама" / Е. "Краев" Костюченко — «Автор», 2026

Каждому что-то отмерено. Кому срок, кому золото, а кому дорога. Дорога в никуда.

© "Краев" Костюченко Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ВЕСНА. ПОЕЗД. НЕИЗВЕСТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ. 6
ВЕСНА. СКИФСКИЕ СТЕПИ. 12
ЛЕТО. ПИТЕР. 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Евгений "Краев" Костюченко
Десять тысяч стаканов "Агдама"

Евгений « Краев» Костюченко
ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ СТАКАНОВ «АГДАМА»

Повесть

ВЕСНА. ПОЕЗД. НЕИЗВЕСТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ.

Поезд еще не тронулся, а Песочник уже занял столик в вагоне-ресторане. Он сидел с закрытыми глазами, вытянув руки по несвежей скатерти и запрокинув голову, как бы прислушиваясь к чему-то внутри.

- Закрыт! Закрыт ресторан! – прокричала тетка в сером переднике, пронося пустые коробки.
- Тише ты, - сказал буфетчик. – Не видишь? Плохо человеку.

Он поставил на стол чайный стакан с жидкостью чайного же цвета. И Песочник медленно осушил стакан, оживая с каждым глотком.

- Починился? – спросил буфетчик.
- Спасибо, - душевно произнес Песочник. – А что ж это поезд никак не тронется?
- Давно уже едем, - сказал буфетчик. – Хочешь добавить?
- Естественно, - сказал Песочник, с изумлением глядя в окно. – Было бы нелепо не добавить.

В черном стекле ползли далекие огоньки, проносились столбы. В пустом ресторане за угловым столиком собрались работнички, и буфетчик крикнул оттуда Песочнику:
- Иди к нам, закуси.
- Полет нормальный, спасибо, - Песочник поднял ладонь, отрицательно мотнув головой.
- Оно и видно, - сказал буфетчик, и за столиком засмеялись.
- Отнеси ему хоть картошечки, - сказала тетка в сером фартуке.
- Да не надо ему, - сказал буфетчик. – Такие не едят.
- Как не едят?
- Никак. Последняя стадия, - пояснил старый проводник. – Видел я таких. Сам одной ногой там стоял. Этот не жилец.
- Да ну вас, - сказала тетка и пошла к Песочнику с тарелкой жареной картошки.

Потом был жуткий проход сквозь строй плацкартных вагонов. Проводник пробирался первым, за ним брел Песочник, а тетка в фартуке шла сзади, подталкивая его, когда он в задумчивости останавливался.

Последний вагон оказался купейным. Тишина, ковровая дорожка гасит шаги, и слышен перезвон пустых стаканов. Проводник бесшумно откатил дверь и кивком пригласил в купе. Тетка перехватила руку Песочника, сама отсчитала сколько надо и сунула пачку денег обратно ему в карман.

- Ты ложись сразу, - говорила она, - тебе сейчас проспаться первое дело. Не ходи больше никуда, ложись.
- Ложусь, - сказал Песочник. – Полет нормальный.

Они даже помогли ему взобраться на верхнюю полку, а потом дверь мягко закрылась, и он остался в темноте.

Он предпочел бы лежать на нижней, чтобы не доставлять лишних хлопот людям, которые его обнаружат и будут выносить из вагона. В больнице, откуда он сбежал этим вечером, его

койка стояла у самого выхода из палаты как раз потому, что он не хотел доставлять лишних хлопот санитаркам. Засыпая, Песочник был уверен, что не проснется и умрет этой ночью.

Это следовало сделать хотя бы для очистки совести – он болезненно не переносил обмана, а как раз сегодня сам объявил о собственной смерти.

«Песочник? С циррозом? Из восьмой палаты? Умер. Утром унесли», - сказал он, услышав, что к нему пришли посетители. Потом он долго стоял в туалете у окна и ждал, когда же, наконец, от больничного корпуса отъедет черная бандитская «девятка».

А когда она уехала, ему стало стыдно. Не стоило врать из-за таких пустяков. Посетители могли убить его раньше, когда он и не думал о смерти. И тогда, наверно, был смысл сопротивляться. Но теперь-то, зная приговор и считая последние часы, теперь-то зачем ловчить, хитрить, упираться?

Наверно, в этом была виновата весна. Обидно и несправедливо умирать весной, тем более в Питере, где нет сезона более страшного и грязного, чем начало весны, но вся сладость этой муки только нарастает с каждым пережитым днем, и однажды вдруг обрывается сиянием белых ночей…

И сейчас он надеялся увидеть белые ночи хотя бы во сне – хотя бы безлюдный Литейный проспект, упирающийся в стену задранного моста… Увидеть, и смотреть неотрывно, и не просыпаться.

Но он проснулся. А когда смог открыть глаза, купе было залито солнцем. Его единственный попутчик внизу за столиком ломал голову над кроссвордом, порой хватаясь за щеку и постанывая.

Попутчик был не опасен. Опасаться следовало молодых, с квадратными затылками и золотыми цепями, неутомимо разговорчивых, щедрых на обещания, особенно на угрозы. Попутчик же был стар, сед и молчалив. Пока Песочник наблюдал за ним сверху, его лицо успело несколько раз сменить цвет, от смугло-шафранного до серого, как несвежее вагонное белье, а потом вдруг налилось багровой тяжестью, и попутчик снова застонал.

- Зубы? – спросил Песочник.
- М-м, - сказал попутчик. –М-м-м!
- Анальгин принимали?
- Аналгин, баралгин, шмаралгин... Ничего не помогает. Даже кроссворд не помогает. Раньше помогал. М-м-м-м...
- Один зуб или несколько?
- Вес челюст, - гордо сказал попутчик.
- Очень хорошо, - сказал Песочник, осторожно спускаясь.
- Совсем хорошо, да.
- У вас есть карты?

Попутчик достал из дипломата нераспечатанную колоду.

- Иногда играю, да.
- Нет, играть не будем, - сказал Песочник, тасуя. – Против одного зуба я бессилен. Но если болят сразу все, помогает пасьянс. Умеете раскладывать? Я так и подумал. Вот, смотрите. Этот называют «Мария Стюарт»...

Через полчаса попутчик стукнул кулаком по столу:

-Собака! Никак не сходится, слушай! Один несчастный шестерка все держит!

- А он редко сходится, - сказал Песочник. – Зато...
- Слушай, работает! – тихо сказал попутчик, боясь спугнуть уснувшую боль. – Валла!

- Я вам еще пару пасьянсов покажу, - пообещал Песочник. – Плюс горячее полоскание отваром шалфея. И все.

- Ты кто, доктор? Знакомиться будем. Коньяк пьешь?

- Извини, здоровье не позволяет.

- Э! – сказал попутчик. – У меня такой коньяк, его в аптеке надо продавать, по рецепту...

- Не обижайся, мне коньяк нельзя, - сказал Песочник и достал из-под подушки бутылку, припасенную с вечера на тот случай, если он останется жив.

Попутчик поморщился, увидев портвейн. Такой культурный человек не должен был унижаться до портвейна. Пить следовало только водку. Нужных людей следовало угощать коньяком. Для кайфа следовало курить план. Но «агдам» могли пить только алкаши.

- А я и есть алкаш, - легко согласился Песочник. – Но не наркоман, по крайней мере. Презираю наркотики. Понимаю всю глубину собственного падения, но даже там, то есть здесь, на самом дне бытия, даже отсюда я свысока смотрю на наркоманов.

- Зачем сразу «наркоман»? – обиделся попутчик. –Кури потихоньку. У нас в районе все курят, никаких наркоманов нету. Агдамщики хуже в миллион раз. Ничего не понимают, работать не могут, быстро умирают...

- Вот-вот, - сказал Песочник. – Будем знакомы.

Когда проводник принес чай, под столом стояла уже пустая бутылка, и Песочник срезал пробку на второй. А Рафик резал лимон и говорил:

- Миша, Миша, никакой санаторий-манаторий тебе не поможет. Жалко, раньше тебя не встретил. Баку знаешь? Недалеко один место есть, Маштага называется. Море чистый, песок чистый, воздух чистый. Знаешь, почему чистый? Там цветочный хозяйство, розы растут, точно как кукуруза на Украине. Розы, гвоздики… От них воздух чистый-чистый. Там у меня дом был, надо было тебе туда ехать, лечиться.

- Как раз туда я и хотел поехать, - сказал Песочник. – Хотел увидеть своими глазами эти славные места. Только не розы, а виноградники. Кюрдамир, Алабашлы, Агдам…

- Про Агдам забудь, - сказал Рафик. – Там война. Ничего, ничего, еще увидишь когда-нибудь. Я тоже давно там не был. Ничего… У меня один старик работает, он тебе поможет. Цирроз знаешь? У моего брата был. Врачи ничего не сделали. А старик сделал. Простой старик, слушай, лучше академиков лечит. Говорит, все по науке делает. Тебе тоже поможет, клянусь.

- Рафик, извини, но ты ничего не понял, - отвечал Песочник. – Я не собираюсь лечиться. Лучше я тебе еще пасьянс покажу. «Могила Бонапарта».

- Честно, так называется? Где я работаю, речка такая, Могила. И хутор Могильный.

- И ты зовешь меня в такое веселенькое местечко? – усмехнулся Песочник. – Извини, не могу поверить, что ты на хуторе живешь.

- Кто сказал, что я там живу? Там жить нельзя. Там у меня только сторож с дочкой живет. Даже рабочие мои в городе живут, я им общежитие купил. Зимой в городе, летом везу на хутор. А старик там живет, Семен Петрович. Вот он всех лечит, слушай. Тебя тоже будет лечить.

- Меня лечить – только добро переводить. Лучше запоминай пасьянсы, пока есть у кого учиться.

- Слушай, откуда ты столько знаешь?

- А пришлось изучить... Когда не мог работать с бодуна. Руки ходуном ходят, как тут в движок залезешь? Себе дороже вый

дет. И я запирался прямо в гараже, расстилал на капоте зеленое сукно... Очень красивый пасьянс.

- Миша, хороший механик у меня золотыми ложками кушать будет, клянусь. Поехали со мной, потом спасибо скажешь. Мне очень-очень механик нужен.

- Я не механик. Я алкаш. Открываем карты нижнего ряда...

ВЕСНА. ПИТЕР.

В пять утра Лева Кайсаров заехал на заправку, прежде чем возвращаться домой. Ночь выдалась не самая удачная. Пьяный иностранец расплатился шведскими кронами, их еще надо менять. Парочка веселых теток залила пол шампанским, придется мыть салон. Впрочем, могло быть и хуже.

Заправляясь, он заметил на тротуаре девчонку в белом плаще. Она пыталась остановить такси, и одна машина притормозила, но после коротких переговоров уехала, а девчонка осталась стоять одна на пустынном в этот час проспекте.

Лева подъехал к ней и опустил правое стекло, не открывая дверь.

- Мне в аэропорт и обратно. Заберу сумку из камеры хранения и сразу домой.

- Нет проблем, - сказал Лева.

- Только деньги у меня дома, - неуверенно добавила она.

- Понятно, - сказал Лева Кайсаров. Обычно в таких случаях он поднимал стекло и ехал дальше. Но сейчас он только усмехнулся и открыл дверь: - Нет проблем. Поехали.

Она молчала, напряженно глядя перед собой. Лева украдкой разглядывал ее. Никакой косметики, короткая стрижка со смешным завитком на детской открытой шейке. «Совсем ребенок», подумал он, и в эту же секунду она сказала:

- Сигареты есть?

- Не курю.

- Так надо держать для курящих клиентов.

- А я не беру курящих клиентов, - сказал Лева.

- Хорошо живешь. Клиентов выбираешь.

- Хорошо живу, - согласился Лева Кайсаров.

- Останови, пожалуйста, у киоска, - сказала она. – Десятка найдется? Я отдам дома.

Лева дал ей денег, и она купила «Кэмел».

- Можно, я в машине покурю? Я аккуратно, в форточку, запаха не останется...

- Все равно салон мыть, - Лева махнул рукой. – Ты не заметила, есть шампанское в киоске?

- Полусладкое. Тебе купить?

- Да я сам...

- Сиди, сиди. Давай деньги, я сама куплю. А в честь чего шампанское?

- Так, вдруг захотелось, - сказал Лева Кайсаров.

Подъезжая к аэропорту, она сняла с пальца колечко.

- Вот, оставлю, чтобы ты не переживал, пока я буду ходить.

- Не смеши меня, - сказал Лева. – Сумка-то тяжелая? Могу помочь.

- Сама справлюсь, - сказала она, надевая колечко.

Она не обманула и вернулась неожиданно быстро, с легкой сумкой через плечо. Небрежно забросив ее на заднее сиденье, она закурила и скомандовала:

- На Фонтанку!

Лева вел машину, потягиваясь и зевая под каждым светофором. Обычно в это время он уже спал.

- Не заснешь за рулем? – спросила девчонка.
- Боишься?
- Просто не люблю, когда храпят. За этим домом направо.
- Там поворот запрещен.
- Ну и что?

Машина оказалась в узком длинном переулке, в конце которого виднелась ограда набережной.

- Здесь прямо, - сказала девчонка.
- Прямо в воду?
- Не доезжая, - усмехнулась она. – Эту решетку уже пару раз сбивали. Там глубоко. Вот здесь останови. Я сейчас.

Она схватила свою сумку и скрылась в подворотне. Лева обнял руль и опустил голову на скрещенные руки. Он привык дремать так, когда работал в такси. Из таксопарка он вынес много полезных навыков. Мог ездить быстро и безопасно, мог на ходу распознать выгодного клиента, мог отбиться монтировкой. Жаль, так и не научился проезжать мимо вот таких девчонок. Что ж, отдохнем секундочку – и домой. Десятку спишем по статье «ну вообще непредвиденные расходы»...

Лева Кайсаров считал себя слишком расчетливым. Он старался рассчитать последствия каждого своего шага, но при этом шагать быстро и только туда, куда хочется. По расчету он женился на самой красивой женщине мира, полагая, что так называемая любовь со временем остынет, а красота останется, и каждое утро, только открыв глаза, он увидит по крайней мере красивую женщину. Этот расчет оказался верным, но только наполовину. Любовь остыла, красота осталась – вот только женщина редко бывала дома, и открывая глаза, он чаще всего видел пустую подушку. Ох, поскорее бы добраться до этой подушки…

- Эй, дружок, - она потрепала его волосы.
- Ничего себе, - Лева тряхнул головой. – Я не храпел?
- Вот деньги. Хватит?
- Хватит. Спасибо.
- Минутку, - сказала она. –Далеко тебе ехать?
- Ну, сорок минут отсюда. Если не засну по дороге.
- Хочешь кофе?
- Уговорила, - сказал Лева.

Девчонка повесила свой белый плащ на гвоздь, открыла воду, зажгла газ – и все это не сходя с места. Прихожая служила и кухней, и гостиной, судя по продавленному дивану и телевизору.

- С сахаром?
- Без сахара. И почти без воды, - сказал Лева, осторожно присаживаясь на диван. – Знаешь, я тоже жил в такой комнатушке. Только без телевизора. Зато с десятком соседей. И ничего. Был счастлив. А сейчас я живу в роскошной квартире. Но...

- Да какие могут быть «но»! – девчонка махнула рукой. – Я наоборот, раньше имела квартиру, а сейчас в этой пещере. Ну, ничего, мы пробьемся.

- Охотно верю, - сказал Лева. – А мы?

- А вы пейте кофе, - сказала она. – Извини, я вся чешусь просто. Ты посиди, а я под душ. Не могу, три дня мечтаю искупаться. Хочешь, видик включи. Я быстро...

Она и в этот раз не обманула, и искупалась быстро, но все равно опоздала. Когда она выглянула из ванной, соблазнительно прикрывшись полотенцем, Лева лежал на диване, сложив руки под головой, и тихо, но отчетливо и размеренно храпел.

Его крепкий здоровый сон не прервался от легкого поглаживания по щеке, от пощипывания за грудь. На дерзкие движения ее рук реагировало тело, но сознание Левы Кайсарова оставалось погруженным в сон. По крайней мере, до тех пор, пока ему не надоело притворяться.

ВЕСНА. СКИФСКИЕ СТЕПИ.

Они сошли на маленькой станции в степи. Прямо у рельсов стоял запыленный «уазик» с выгоревшим брезентовым верхом. Рафик обнялся с водителем, худым и желтокожим – с такими Песочнику довелось лежать в больнице, откуда он сбежал пару дней назад. Это был брат Рафика.

Услышав звук заводящегося двигателя, Песочник покачал головой и сказал:

- Мы не очень торопимся? Есть у меня полчаса?

- Мы никогда не торопимся, - сказал Рафик. – Тебе плохо?

- Плохо. Мне всегда плохо, когда я такое слышу, - сказал Песочник и откинул капот.

Братья владели небольшой фермой на хуторе в степи. Преуспевавшее некогда хозяйство просто вымерло в последние годы, потому что пересохла речка. Хуторяне разъехались, а в опустевших домах поселились новые работники. Они легко переносили жару, пыль, недостаток воды, они не требовали повышения зарплаты и отпусков. Они были хорошими работниками, но ничего не понимали в технике, которая досталась от прежних хозяев. Песочник поколдовал минут двадцать, и когда «уазик» завелся с пол-оборота, Рафик щелкнул пальцами, а его брат восхищенно хлопнул в ладоши.

- Ай, Миша, ай, молодец! Теперь сто лет жить будешь, мы твою печенку починим, а ты нам машины починишь.

- Сто лет чинить машины? Кошмар...

- Зачем сто лет чинить? Отдыхать на море будешь, в Кисловодске будешь, в Москве будешь. Немножко работаешь, немножко отдыхаешь, как белый человек.

Дорога петляла между седых холмов. Сидя в заднем отсеке «уазика», Песочник смотрел назад. Пыль поднималась стеной, закрывая от него прежнюю жизнь. Новая жизнь маячила где-то впереди, над волнами сухого ковыля, под седым весенним небом.

И пообещал ему эту новую жизнь его случайный попутчик. Сейчас Песочник даже не мог вспомнить, ни как он оказался в поезде, ни какой то был поезд. Он только помнил, как открыл глаза в купе, а внизу сидел старый азербайджанец, который мучился от зубной боли. Ему бы повернуться на другой бок и попытаться заснуть, но он привык вмешиваться, если замечал неполадки, которые мог устранить.

За это его и ценили в гараже. Хороший врач лечит не болезнь, а больного. Так и хороший автомеханик чинит не узел, а машину. Песочник мог возиться с каким-нибудь стареньким «вольво-двоечкой», доводя двигатель до совершенства, а клиента до белого каления. Хозяину гаража это нравилось. Потому что остальные механики работали по-другому.

Для Песочника важно было починить машину, а для них важно было угодить клиентам. Это разные вещи, как ни странно. Наверно, поэтому и клиенты у них были не такие, как у Песочника.

Правда, когда выяснилось, что в гараже перебивались номера на краденых машинах, то не арестовали одного Песочника. Почему-то в милиции точно знали, что он на такое не пошел бы. А вот бандиты решили по своему. Раз не арестован – значит, стукач. А с таким клеймом долго не живут.

- У нас место хорошее, только дорога плохая, - говорил Рафик. – Весной и осенью просто нет дороги. Машина не идет, трактор не идет. Только на лошадях можно проехать. И еще плохо - мост совсем старый стал.

- Какой мост в этой пустыне?

- Тут раньше речка была. Очень давно. Потом под землю ушла. А мост остался. Совсем старый. Совсем плохой.

- Нет, ребята, за мост я не возьмусь, - сказал Песочник.
- Вон, смотри, сейчас по нему ехать будем. Валла!

Песочник с любопытством огляделся. Посреди холмистой степи протянулся разлом – глубокая трещина в земле, с почти отвесными склонами, сверкающими какими-то блестками.

- Интересное место, - сказал он. – Это же не холмы. Это грязевые вулканчики. Если бы не слюда, так и не догадаться.
- Это не вулканчики, а курганчики, - поправил Рафик. – Мне старик рассказывал. Это курганы. Такие могилы. Внутри всякое там золото, бриллианты, оружие.
- Да ну? Нашли что-нибудь?
- Надо глубоко копать, - сказал Рафик. – Экскаватор надо, динамит надо.
- Динамит сейчас не проблема, - сказал Песочник.
- Слушай, мне это надо? – Рафик раздраженно взмахнул пальцами, словно отгоняя назойливую тварь. – Уже надоели. Приезжают, копают, работать не хотят, хотят сразу все получить. Я говорю: бери свой автомат, иди в банк – там все сразу получишь. А курган трогать нельзя. Там кости, понимаешь? Человеческие кости.
- Это сейчас тоже не проблема, - сказал Песочник.

Мост прогремел под колесами «уазика», и дорога повернула вдоль разлома, забирая вверх. Песочник устроился поудобнее, усевшись на пол в своем отсеке и вцепившись в задний бортик. Он смотрел назад, на удаляющийся мост. Вдруг машина вильнула влево, вправо и резко остановилась, отчего Песочник свалился на пол под скамейку. Это его и спасло.

Он услышал звон разбитого стекла и барабанную дробь, словно кто-то простучал железными прутьями по машине.

В наступившей мертвой тишине Песочник слышал только журчание – по запаху он догадался, что вытекает бензин. Потом послышались осторожные шаги нескольких пар ног.

- Готовы оба.
- Толкай.
- Давай возьмем хоть что-нибудь...
- Толкай.

Затаившись на полу, Песочник слышал, как со скрипом распахнулась дверца. Кто-то, пыхтя и откашливаясь, хрустнул рычагом передач и принялся выкручивать руль. «Уазик» медленно покатился назад.

Песочник сам не заметил, как в его руке оказался нож. Он вспорол ветхий брезент и перевалился через бортик, когда машина уже катилась вниз по склону.

Его пальцы хватались за сухой глинистый склон, но ухватиться было не за что, и он скользил вниз, вслед за машиной. Но вдруг словно кто-то схватил его за руку, чуть не вырвав палец, и он повис на почти отвесной стене. А внизу с оглушительным хлопком и треском машина врезалась в дно разлома.

Обручальное кольцо зацепилось за трещину в стене. Лезвие ножа он загнал в другую трещину. Так он лежал, почти висел над пустотой. Наверху раздавались голоса, но он не мог разобрать слов. Хлопнули дверцы машины (три раза, отметил он), сверху посыпались мелкие камни из-под колес, и по мосту проехала черная «волга».

Он попытался подтянуться, но не хватило сил. Ноги нащупали какой-то выступ, потом еще один – так он смог потихоньку спуститься вниз.

Рафик и его брат не дышали. И быстро остывали. Он не смог вытащить их тела из опрокинутой машины, только зря в крови измазался. Надо было искать подмогу. Ждать под мостом ему, однако, не хотелось. Выбраться наверх по бетонным опорам было невозможно. И он побрел по дну разлома, разглядывая склон в поисках какой-нибудь тропинки.

Дно устилали булыжники, между ними кое-где поблескивала вода. Его вдруг охватила жажда. Он разгреб камни, но вода не давалась ему. Где-то впереди слышался звон падающих капель, и Песочник, хромая и хватаясь за бок, шел на звук.

Наконец, он остановился перед лужицей, окруженной булыжниками. Он опустил горящее лицо в теплую мягкую воду. Он хватал воду губами, впитывал всей кожей, а капли падали сверху и холодными пальчиками барабанили по плечам и спине.

Вода лилась с выступа примерно с середины склона, а за выступом чернел какой-то провал в скале. Рядом виднелись остатки ступеней, и эти ступени вели от провала вверх, к дороге.

Чтобы дотянуться до уступа, Песочнику пришлось соорудить из валунов пирамиду. Это отняло много времени и сил, и уже смеркалось, когда он смог забраться на площадку перед пещерой.

На четвереньках он пролез под узкий свод. Внутри пещера оказалась намного просторнее, чем он ожидал – в темноте не было видно стен, и где-то внизу звенели падающие капли. Он нащупал что-то мягкое и выволок за собой наружу. Это был свернутый коврик. Песочник тщательно вытряхнул его, расстелил и улегся на нем, сложив руки под щекой. Как-то мгновенно, пока он возился, наступила ночь. Над ущельем в черном небе блестел месяц, узенький, похожий на состриженный ноготь.

Он заснул легко и крепко, впервые за долгое время. Заснул, не выпив на ночь. Заснул, не прощаясь с жизнью.

На рассвете Песочник проснулся от холода. Одежда отсырела, кроссовки блестели от росы. Он растер лицо, помахал руками, разгоняя кровь, и огляделся.

Внизу клубился туман. Вверх от уступа, на котором ночевал Песочник, вели едва заметные ступени. Хватаясь за свисающие корни и сухие стебли, он смог легко подняться по этим ступеням и скоро вышел на дорогу.

Ему было все равно, куда идти – вниз по дороге или вверх. Почему-то он пошел вверх. Уже через несколько шагов он подумал, что вниз идти было бы легче. Он все же преодолел еще сотню метров, прежде чем опустился на землю, задыхаясь.

Когда он открыл глаза, перед ним стоял старик с белой длинной бородой. «Если бы не солдатская гимнастерка и тренировочные штаны, мог бы сойти за святого Петра», подумал Песочник.

- Здравствуйте, - сказал он. – Вы, наверно, Семен Петрович? Мне про вас Рафик рассказывал.

- А сам-то он где? Мы его вчера ждали.

- Он там, под мостом... – успел сказать Песочник и схватился за бок.

- Что, печенка? – спросил дед. – Зашибся, что ли? Ты откуда пришел, уважаемый?

- Отстань, - сказал Песочник сквозь зубы.

Дед не обиделся. Он присел рядом, стянул с него кроссовки и крепко схватил за пальцы ног.

- Ого, - выдохнул Песочник. – Отпустило.

- Как, идти-то сам пойдешь? Или помочь? Болезнь твоя суровая, как я вижу. Давно мучаешься?

- С год. А последний месяц просто... На стенку лезу. Если не выпью вовремя.

- Про это дело забудь, - сказал дед. – Жить-то еще хочешь? Тогда забудь. Будем тебя лечить по науке. Ну, вставай.

- Рафика с братом убили, - невпопад сказал Песочник. – Машину расстреляли из засады. За мостом. Машину столкнули. Они в ней и остались, я не смог достать. Черная «волга». Три или четыре человека. Автомат. Меня не заметили. Всё...

- О Господи, - дед перекрестился. – Ох, и безобразники... Пошли, пошли скорей отседова. Сами разберутся. А нам с тобой лечиться надо.

ЛЕТО. ПИТЕР.

За окнами роскошной квартиры видны верхушки деревьев. Накрапывает дождь, капли шелестят в листве.

Лева Кайсаров вздрогнул и проснулся.

- Не спи, не спи, Левушка, - ворковала Зинка, покалывая ноготками ему грудь. – Ну, расскажи еще что-нибудь.

- Мне снилось, что я лечу.

- Растешь...

- Мне снилось, что я лечу с моста. В тачке. Пристегнутый. Бред. Я же никогда не пристегиваюсь, даже во сне.

- Мне страшно за тебя, - сказала она. – Не засыпай больше без меня, ладно?

- Ладно, малыш. Не сваришь кофе?

- Свари сам, - сказала она. – Не могу я на твоей кухне хозяйничать.

- Неубедительно, - сказал Лева Кайсаров. – В спальне ты управляешься прекрасно.

- Не все сразу, - сказала Зинка, довольно улыбаясь.

Он сварил кофе, зажарил пару ломтей ветчины и залил их полудюжиной яиц, нарезал хлеб, и только тогда на кухне появилась Зинка в пушистом алом халате.

- Это халат твоей жены? – спросила она, усаживаясь за стол.

- Нет. Тещи.

- Ужасный вкус. Красный цвет любят шизофреники.

- Ты попала в десятку, - сказал Лева.

- А жена? Ты ее любишь?

- Иногда, - сказал он, подумав. – У нас, в общем, прекрасные отношения. Только мы редко видимся. Сейчас она в Португалии. Работает в международном салоне причесок, а мамаша ее обслуживает. Осенью вернутся, перезимуют, а с весны уже подписан контракт на работу в Швейцарии. Так и живем.

- А почему тебя с собой не берут?

- А им не нужен водитель.

Зинка достала из халата пачку «Кэмела».

- По крайней мере, сигареты твоя теща курит приличные, - сказала она, закуривая от газовой плиты.

- Это ты зря, - сказал Лева. – Она же наверняка помнит, сколько сигарет в пачке оставалось.

- Мы купим ей новую пачку.

- Такую? Вряд ли. Это чисто американские сигареты, ей привез бывший муж. Такие у нас не продаются.

- Ну и черт с ней, - сказала Зинка, - ты вообще не обязан все это терпеть. Они тебя за сторожа держат, получается?

- Примерно так.

- Тебя это устраивает?

- Абсолютно, - сказал Лева. – Еще бы зарплату платили, совсем бы хорошо было.

- А мне тоже нужен сторож. И водитель, - сказала Зинка, стряхивая пепел в тарелку. – Зарплата будет нормальная.

- Да я и так неплохо зарабатываю, - сказал Лева и поставил перед ней пепельницу.

- Нет, я серьезно, - сказала Зинка. – Можешь поработать на меня хоть немного?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.